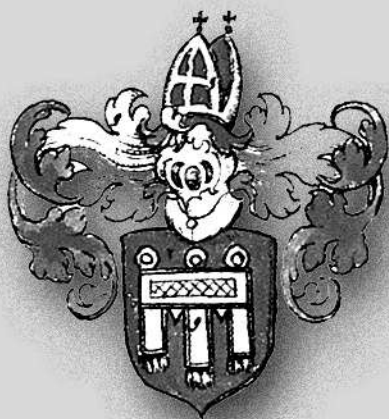
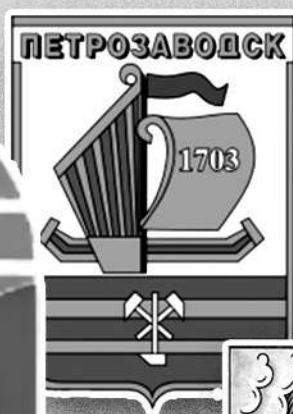

**Валентина
ДВИНСКАЯ**

г. Петрозаводск

**ГОРОДА
ПОБРАТИМЫ**

ДРУЖБА ВСЕГО ДОРОЖЕ...

**«Люди, народы, страны –
Пусть сольются в мирном океане!» [1]**

Своевременно ли сейчас говорить об этом? Существует ли вообще дружба между народами? Можно ли поверить во что-либо подобное на фоне происходящих в настоящее время мировых процессов? – Очень трудные вопросы.

И тем не менее мне хочется рискнуть и предложить вниманию читателей эту тему, которая, как я надеюсь, заставит призадуматься и, может быть, приведёт нас к неожиданным выводам и решениям. Для начала хочу напомнить, что в октябре 2024 года исполняется 35 лет со дня подписания Договора о побратимстве между городами Петрозаводск и Тюбинген.

Наверное, стоит напомнить, что форма побратимства/партнёрства родилась после Второй мировой войны и была обусловлена понятным для всех стремлением сделать так, чтобы не повторились все её кошмары. Для этого создавались различные международные организации, призванные способствовать взаимному узнаванию народов, выработке взаимопонимания и взаимного уваже-

ния. Справочники дают следующее определение: «Отношения между городами-побратимами – это форма юридического или социального соглашения между двумя географически и политически различными населёнными пунктами с целью развития культурных и коммерческих связей».

В конце 1970-х – начале 1980-х годов были проведены международные олимпиады старшеклассников по различным предметам школьного цикла, и выяснилось, что хуже всего обстоит дело с географией. Совершенно понятно, что, когда люди чего-то не знают, они склонны верить разнообразным, в том числе и недоброжелательным, слухам и испытывать сильную настороженность при знакомстве с чем-то чужеродным. Как правило, иностранцам известны понятия «Москва» и «Сибирь»; теперь, конечно, их представления о геолокациях несколько расширились и пополнились топонимами «Украина», «Киев», «Крым». Точно так же иностранцы не могут осознать, что в нашей стране проживают народы сотен больших и малых национальностей, что Россия – это полиэтническая страна. В их сознании присутствует лишь одна титульная нация – русские. С этой культурной малограмот-

ностью связаны и не отвечающие действительности представления о менталитете, характере, традициях и обычаях жителей России. Мне, уже полвека тесно общающейся с немцами, да и другим людям, входящим в контакт с иностранцами, очень знакомы опасения последних в отношении нашей страны и её граждан. Даже сейчас и даже в европейских странах существуют предвзятые мнения и представления о «дикости и варварстве» нашей страны, о якобы разгуливающих по улицам медведях, да еще в обнимку с русскими. Эти нелепые представления лишь немного изменились после наших первых успехов в освоении космоса и триумфального шествия Ю. Гагарина по всей планете. Среди русских слов, известных многим жителям на Западе, можно назвать «спутник, луноход, перестройка», отражающие определённые эпохи в нашей жизни, а также бытовые «самовар, матрёшка, начальник, бабушка». Не густо.

Но стоило иностранцам, в частности, немцам, которых я знаю достаточно близко, побывать у нас хотя бы один раз, как они загорались желанием приезжать ещё и ещё. В 1980/90-е годы наши граждане даже удивлялись этому желанию: бытовые условия у нас, мол, далеко не лучшие, купить нечего, чего ж они к нам едут?! А немцы, в свою очередь, изумлялись нашим просторам, нашим красотам и нашей свободе!!! Да-да, свободе! Эту свободу они наблюдали в отношениях между людьми – коллегами на работе, соседями, знакомыми, не говоря уж о друзьях; в работе наших магазинов (даже без выходных и даже в ночное время!); в отсутствии временных ограничений для прогулок, для молодёжных дискотек в парках и на набережных; в проведении церковных служб и исполнении церковных ритуалов (и это в нашей-то «авторитарной» стране, в отличие от их либеральной демократии); в возможности наслаждаться природой, рыбалкой, охотой, кострами и шашлыками на лоне лесной природы; в возможности и умении обходить кое-какие законы и т.д. У нас в Карелии их невероятно поражала реальная возможность приобщиться к образу жизни Робинзона Крузо, выбрав какой-нибудь необитаемый остров и удалившись на лето от всех других людей; постепенно они учились находить вкус в нашей пище, в наших привычках, понимать наши взгляды на жизнь и её ценности. Бывая в домах немецких семей, нам сразу же становилось ясно, кто из них уже побывал в России, а кто ещё нет: бросалась в глаза разница в том, как накрывался стол, как и какие подавались угощения, как велась беседа, с каким настроением и с

какой интонацией шли расспросы о том, что сейчас происходит в нашей стране.

Сейчас, когда всё еще продолжается СВО на Украине [2] и когда не только в цивилизованном мире, но даже и в нашей стране наблюдается раскол между её сторонниками и противниками, я по-прежнему получаю письма от своих немецких друзей и знакомых. Эти письма свидетельствуют об отношении простых людей Германии к происходящим у нас событиям. Нужно признаться, что из всех прежних близких мне людей лишь одна супружеская пара прекратила переписку и ещё одна «застряла на перепутье»: то пишет, то делает вид, будто не получает моих ответов, и поэтому пишет нерегулярно. Все другие пишут активно, и их письма преисполнены печали по поводу неразумности политиков, по поводу гибели людей – как наших, так и украинцев, по поводу прекращения наших постоянных контактов, взаимных визитов, культурного и туристического обмена и т.д. И ещё в этих письмах много сердечного, искреннего сочувствия и горячего желания как можно скорее прекратить военные действия. Читая эти письма, я испытываю чувство благодарности за поддержку, но и желание призвать немцев к акциям сопротивления политике правительства, которое должно закончить с поставками вооружений Украине.

Одним из важных пунктов в развитии побратимства была цель строить отношения «снизу», способствовать так называемой «народной дипломатии». Судя по получаемым мной письмам, в случае побратимства нашего города с Тюбингеном феномен «народной дипломатии» осуществился, и при наступлении более благоприятных условий он готов вспыхнуть с новой силой.

Если б задаться целью назвать всё, что совершалось в течение этих 35 лет в рамках нашей дружбы, то, думаю, потребовалось бы несколько десятков пачек бумаги для принтера формата А4, чтобы визуальное засвидетельствовать плоды и успехи нашего сотрудничества. Но одной из всех проводившихся акций, можно сказать – главной, была, без преувеличения, многолетняя акция гуманитарной помощи. О ней должно помнить большое количество жителей Петрозаводска и некоторых районов Карелии, она осуществлялась в период с декабря 1989 по 2001 год и явилась значительной поддержкой для людей в это, как его теперь называют, «лихое» время.

В марте 2022 года мне переслали огромное по объёму письмо от БДВО [3], фрагменты из которого привожу здесь: «Мы решительно выступаем против всех попыток посеять раздор и ненависть

между народами Украины, Беларуси и России и других государств бывшего Советского Союза. Наша деятельность посвящена исключительно миру и взаимопониманию между народами. Именно сейчас речь идет о контактах, о равноправном и длительном диалоге, как и об уважении других точек зрения. Для этого необходимо сохранять и расширять партнёрство городов, гражданские инициативы, взаимопомощь в культурной, молодёжной, образовательной и социальной, а также медико-гуманитарной сферах. Это те мосты, которые обязывают всех участников к сохранению мира и дружбы народов.

Многие общества дружбы разошлись во мнении о том, нужно ли ставить под сомнение партнёрства с российскими, а также белорусскими городами, если они ещё не заморожены. Ведь в подобных случаях наступил бы слом в процессах дальнейшего важного гражданского диалога и «народной дипломатии». А это вовсе не в немецких интересах».

Можно только сожалеть о том, что радостно-приятное и обоюдно-полезное взаимодействие городов-побратимов в настоящее время поставлено на «паузу». И очень хочется, чтобы эта пауза была не слишком долгой.

* * *

В прошлом году, в № 5-6 журнала «Север», я имела честь опубликовать одну из глав книги бывшего обербургомистра города Тюбингена д-ра Ойгена Шмида «РАЗДУМЬЯ» / DR. EUGEN SCHMID «NACHSINNEN», а во вступительной статье познакомить читателей с г-ном обербургомистром и историей появления его книги. Сейчас мне хочется предложить свой перевод ещё одной главы из этой же книги, где автор вспоминает об истории знакомства и зарождении дружбы между городами Петрозаводск и Тюбинген.

* * *

[1] Фрагмент из песни В. Мурадели и Э.Иодковского, ставшей гимном VI Международного фестиваля молодежи и студентов в 1957 г.

[2] Статья написана в августе 2023 г.

[3] BDWO (Bundesverband Deutscher West-Ost-Gesellschaften) – Федеральное общество немецких обществ дружбы «Запад-Восток».

Д-р Ойген Шмид

«Раздумья» [1] Петрозаводск

Со времени окончания Второй мировой войны Тюбингену повезло с демократическими странами, находящимися западнее так называемого «железного занавеса». Однако социалистический «Восточный блок» [2] находился восточнее этой политической границы, которая протянулась тогда по территории опустошённой национал-социализмом Германии и разделила её на Западную и Восточную, поделив при этом и Европу на две части, и для Федеративной Республики Германии этот блок с точки зрения партнёрских отношений [3] между городами всё ещё оставался terra incognita [4]. Лишь в конце 1980-х годов, когда в результате глобального потепления наметился поворот в незыблемых категориях «холодной войны», в существующем до той поры «железном занавесе» появились первые трещины. В тот же час западногерманские города и общины откликнулись на новые вызовы и, используя эти лазейки, попытались завязать дружественные отношения с партнёрами на Востоке. Они изменили свою предыдущую «внешнеполитическую» ориентацию и приложили усилия для того, чтобы хоть частично сгладить свою «западность».

Итак, Тюбинген – quo vadis [5]? Нужно ли городу устанавливать дальнейшие партнёрства или же следует удовлетвориться уже существующими в Швейцарии, Франции, Англии, США и Италии, числом восемь? Едва возникнув, вопрос уже получил и ответ. Тюбингенский городской совет большинством голосов принял предложение рискнуть на ставший возможным и давно желанный политический прорыв. При этом первым порывом была мысль о партнёрстве с каким-либо городом в тогдашней Германской Демократической Республике – ГДР. Я навёл справки об университетских городах Йене, где я инкогнито побывал сразу же после падения ГДР, и Грайфсвальде и осторожно попытался прощупать там почву. Я написал также в Совет города Гёрлиц, известный мне благодаря моей командировке с комиссией по культуре во время съезда Союза немецких городов. Однако же все эти попытки окончились быстрым и полным крахом.

Поскольку официальные партнёрства с городами ГДР не состоялись, взоры городских структур Тюбингена обратились дальше на восток. Тут наряду с Польшей поступила информация также и о

Советском Союзе; к тому же Тюбинген посетило много групп из этой колоссальной страны, вплоть до делегации Верховного Совета, и я принимал их в ратуше. В результате я установил контакт с посольством Союза Советских Социалистических Республик в Бонне. Его первый секретарь, отвечавший в то время за связи городов-побратимов, нанёс мне визит в Тюбингене. В беседах с ним мой временный интерес к Симферополю, столице полуострова Крым, где как раз побывал Тюбингенский театр, уже не играл никакой роли. Также и другие города, призрачно бродившие в представлениях общественности, как, например, Минск или Одесса, оставались в стороне. В качестве нового партнёра он настойчиво рекомендовал мне Рязань, старинный административный и промышленный город к юго-востоку от Москвы. С помощью энциклопедий я собрал информацию о городской структуре. То, что я прочитал, меня не вдохновило, и я пришёл к выводу, что этот город не подходит Тюбингену. Как бы то ни было, но я отклонил предложение секретаря, оставшегося поэтому очень недовольным.

Но, в конце концов, мы всё-таки пришли к некоему согласию. Со второй попытки в разговоре появился Петрозаводск, столица Автономной Республики Карелия. Эта рекомендация показалась мне интересной. Город, удалённый на сотни километров к северо-востоку от Ленинграда, расположенный на Онежском озере, был основан в 1703 году Петром Великим одновременно с Санкт-Петербургом. Из-за железосодержащей руды он стал, как говорит о том его имя, пушечной «Фабрикой». Однако благодаря своим культурным ресурсам, университету, педагогическому институту и филиалу советской Академии наук город заставлял прислушаться к себе. Мне он показался привлекательным.

В результате 29 апреля 1989 года в компании с двумя членами Городского совета и переводчицей я, преисполненный любопытства, отправился в далёкий путь – в Карелию. Сопровождающие меня лица представляли собой, каждый на свой собственный лад, определённый сегмент из разнообразного содержания нашей жизни. Даже само имя «консервативного» [6] городского советника пикантно вписывалось, как будто специально для этого путешествия, в качестве сравнительной степени между отцом-основателем марксизма Марксом и его стоящими в превосходной степени последователями-марксистами [7]: его звали Марксер, и он был специалистом по лесному хозяйству. Его дополнение, «альтернативная» [8]

советница, некогда жена актёра Ханнеса Мессемера [9], интересовалась всем истинным, прекрасным и добрым. Но обоих превосходила наша переводчица. Ещё ребёнком, после того как русские заняли Йену, где её отец занимался у «Цейса» [10] научными исследованиями, она вместе со своей семьёй в числе перемещённых лиц попала в Советский Союз. В Ленинграде она выросла, пошла в школу, поступила в вуз и, вернувшись обратно в Германию, вышла замуж за руководителя Тюбингенской университетской клиники. В сравнении с этой судьбой мои знания русского представляли собой самый ограниченный минимум, который всё ещё звучал в ушах из периода детства и который я усвоил от своего отца. Отец с начала и до конца участвовал в войне против России простым солдатом, наступал через Смоленск и Вязьму в направлении Москвы, а оттуда тем же путём обратно, был дважды ранен и получил в качестве «декорации» тот почётный знак, который солдаты, пережившие жестокую русскую зиму 1942/43, уничижительно называли «Шнурком Мёрзлого Мясa». [11]

Для первого визита в Петрозаводск я сознательно выбрал апрель 1989 года. Памятуя о ежегодных военных и транслируемых по телевидению майских московских парадах, мне хотелось получить впечатление о праздновании Первомая в Петрозаводске. В аэропорту Ленинграда – городу ещё не вернули имя Санкт-Петербург, ещё существовал Советский Союз – нас встречал Геннадий Фанасов, зампреда исполкома Петрозаводска. Немедленно, за первой же чашкой кофе, он показал мне Договор о побратимстве и заметил, что документ должен быть подписан обеими сторонами на следующий день. Я был поражён и ясно заявил, что это вряд ли возможно.

Я объяснил ему, что сначала мы приехали, чтобы собрать первые впечатления о Петрозаводске, о его людях, его общественных учреждениях, его промышленных и академических структурах и даже, если возможно, об основных политических настроениях в городе. Затем вторым шагом должен быть аналогичный визит петрозаводской делегации в Тюбинген. Следуя выражению «тот, кто друга выбирает, пусть сердцем сердце проверяет» [12], решение о длительном партнёрстве наших городов может быть принято лишь после этой муниципальной «помолвки». Конкретно это означает, что я не уполномочен и не намерен подписывать составленный в одностороннем порядке готовый Договор о побратимстве.

Это странное начало некоего сближения послу-

жило для обеих сторон поучительным уроком. Инстинктивно я ощущал присутствие прямого, чтобы не сказать тотального, вмешательства Московской центральной власти. Со всей очевидностью Петрозаводск получил предписание «сверху» о заключении партнёрства с Тюбингом. В соответствии с этим текст соглашения был составлен заранее по принятому советскому образцу. Сам по себе город ничего не мог решить. В качестве обоснования своей позиции мне в этой ситуации не оставалось ничего другого, как рассказать о демократических структурах и городском управлении. У меня создалось впечатление, что мой собеседник не только принял это к сведению, но и выказал известное понимание. Так или иначе, но запланированное на следующий день в одностороннем порядке подписание Договора о побратимстве не осуществилось.

Продолжением знакомства в Ленинградском аэропорту стало ночное путешествие в Петрозаводск по железной дороге. Несмотря на ритмично успокаивающее погромыживание поезда через обширные карельские леса и болота и мелькание вновь и вновь туманно высвечивающихся вокзалов, где поезд периодически останавливался, эта многочасовая поездка оставила во мне скорее тягостное воспоминание. Погода для этого времени года была необычно тёплой. Тем не менее все вагоны жарко топились. Совершенно понятно, что это происходило по продиктованному календарём плану, который вовсе не учитывал имеющуюся дневную температуру: в это время года, в конце апреля – начале мая, в Карелии должно было быть ещё холодно, так что нужно было топить, что с учётом среднегодовых данных было правильно. Но напрасно я пытался найти свежий воздух. Несмотря на все мои усилия, ни одно окно не открывалось: ни в купе, где нас было четверо, ни в коридоре, ни в туалете. Вместе со своими спутниками в нашем общем купе нам пришлось покориться своей неизбежной потогонной судьбе, причём мне, как более молодому [13], досталась верхняя и, следовательно, самая жаркая полка. Только утро принесло спасение. На вокзале в Петрозаводске нас дружески с цветами встречали свежие и бодрые хозяева.

В этот первый день в Петрозаводске мы составили приблизительное впечатление о городе, который был в четыре раза больше Тюбингена. От железной дороги, ведущей в Мурманск, по которой мы и прибыли из Ленинграда, он плавно понижается к набережной озера. Во время войны он был оккупирован финнами и почти до основания

разрушен, но затем, в том числе и с помощью немецких военнопленных, возрождён в едином, представительном стиле. Мне особенно бросались в глаза очень широкие главные улицы, и в первую очередь прямой, как стрела, проспект длинной примерно в два километра, ведущий от озера вверх к вокзалу. Совершенно очевидно, что при восстановлении города, проведённого с размахом, места было сколько угодно.

En passant [14] мы узнали, что у Петрозаводска уже есть партнёрские связи, в первую очередь со Скандинавией, а также с Францией, США и, что явилось для нас неожиданностью, с Нойбранденбургом. Правда, эта связь с ГДР, как было сказано, «почила в бозе». (Однако в один из моих дальнейших визитов я всё же ещё познакомился с председателем городского собрания депутатов и коллегами из Нойбранденбурга; партнёрство снова ожило.) Интересным для меня оказалось также, что в Петрозаводске мы всё время наталкивались на карело-финские корни, как, например, оставляющий большое впечатление карельский театр или официальное двуязычие, хотя в повседневности они вряд ли замечались.

На следующий день после нашего приезда нас ожидал сюрприз: поучительный и приятный для меня майский парад [15]. Как мы и ожидали, он начался с военной церемонии у памятника павшим в Великой Отечественной войне, церемонии, вызывающей сильное впечатление уже одними роскошными парадными мундирами офицеров. Оттуда очень длинное шествие участников, преимущественно штатских, состоящее из работников предприятий и школьников, двинулось по городу. Мы удостоились чести находиться на трибуне вместе с местными и карельскими партийными деятелями и наблюдать проходящие мимо колонны. С удивлением для себя мы открыли, что надписи на многих транспарантах и плакатах в руках демонстрантов клеймили позором местные недостатки и плохое снабжение, даже и то, как некоторые смельчаки мужественно протестовали против планировавшегося строительства атомной электростанции. Вдали от Москвы люди явно испытывали окрылённость перестройкой и гласностью. Мне нигде и никогда не пришлось видеть такую свободу демонстраций и мнений. После такого ошеломляющего впечатления я ещё и эмоционально почувствовал себя в Петрозаводске комфортно.

Мои спонтанные ощущения получили подпитку и в последующие дни, когда мы чувствовали со стороны наших хозяев большую сердечную сим-

патию, не лишённую любопытства. Это были экскурсии по скудно населённой карельской земле, к многочисленным озёрам и обширным лесам, в особенности же теплоходное путешествие по Онежскому озеру к музейному острову Кижы с его церквями и крестьянскими домами – истинной жемчужине деревянного зодчества. Возле нашего отеля я обнаружил книжный магазин, незаметный из-за отсутствия витрин и с очень скромным интерьером. В продаже там имелась, как я тихо про себя и надеялся, немецкоязычная специальная литература и беллетристика. Свои тридцать рублей, полученные каждым из делегации в качестве «карманных денег», я целиком инвестировал в книги, изданные в ГДР, как, например, «Зелёный Генрих» Готфрида Келлера или «Поиски объекта» Зигфрида Ленца.

«Город подходит Тюбингену», – подумал я.

Так подумалось тогда, и теперь всё понеслось очень быстро. Ещё тем же летом петрозаводская делегация приняла участие во встрече городов-партнёров в Тюбингене. Меня поразило то, что в её составе находился православный священник о. Мануил, которого я позднее посетил в его находящемся на окраине города типично русском деревянном доме с садом, обнесённым деревянным забором, и который ныне является карельским епископом. Члены делегации испытали восхищение Тюбингеном и его окрестностями, да и могло ли быть по-иному? Поскольку тем временем Городской совет проголосовал за заключение партнёрства, то я, снова во главе делегации городских советников, вторично прибыл в Петрозаводск с визитом в октябре того же года и вместе с моим коллегой, «председателем исполнительного комитета народных депутатов Петрозаводского городского совета» Павлом Пещенко, подписал Договор о партнёрстве. По его просьбе я подарил ему ручку, которой я поставил свою подпись и которая служила мне много лет, и должен признаться, что расставание с ней было для меня не вполне лёгким.

Характер некоторых бесед, предшествовавших подписанию, остался противоречив. С одной стороны, меня впечатляли, как и в первое посещение, потрясающее гостеприимство, лично ощущаемое расположение и человеческое тепло наших новых партнёров, а также возможность, хоть и несколько ограниченная, разговаривать о чём угодно, «без тормозов». Но в первую очередь на собственной шкуре я познакомился с тем, как умеет раскрываться «русская душа» при обязательном посещении городской сауны. Это не просто приход в сау-

ну, но здесь, как со всей очевидностью свойственно карельским саунам, сначала один раз, а потом всё снова и снова в промежутках между пареньем, потеньем, поглаживанием и битьём берёзовым веником и обливанием водой плотно едят и ещё основательнее пьют. В такой атмосфере у человека распаивается душа и развязывается язык. Люди придвигаются друг к другу, вместе поют, веселятся, чем дольше, тем больше. Истина не только в вине [16], но и в водке.

С другой стороны, оставалось чувство разочарования, потому что не всегда исполнялись ожидания, которые я связывал с «рабочей беседой». Многие тюбингенцы были полны любопытства и хотели наполнить новое партнёрство подлинной жизнью. Я хотел открыть дверь для этого. Однако мои предложения о визитах и приглашения, отражавшие эти желания, наталкивались на открытые или частично притушёванные ограничения. У меня снова возникло ощущение, что мои собеседники не могут принимать свободные решения для реализации наших интересов к конкретным спортивным или культурным мероприятиям, что они должны сначала послать запрос в «высшие инстанции» насчёт того, что им позволено и что допускается.

На следующий год, как и было договорено, я пригласил в Тюбинген петрозаводскую делегацию. Здесь должно было состояться повторное подписание, которое, по моим представлениям, следовало бы включить в праздничные торжества Дня города. Однако из этого ничего не вышло. После того как я за ужином произнёс свою застольную речь, включив в неё официальное приглашение, мой коллега через переводчицу тихонько спросил меня, возможно ли передвинуть тюбингенское мероприятие на более ранний срок. Почему? В марте 1990 года в Петрозаводске впервые пройдут муниципальные выборы, и ему придётся, по его словам, учитывать то, что он больше не будет председателем. А ему, по крайней мере хоть раз, хотелось бы всё же побывать в Тюбингене. Конечно, я пошёл навстречу его желанию, и таким образом вторичное подписание состоялось в Тюбингене уже на новогоднем приёме в январе 1990 года. Он был счастлив и благодарен за те несколько дней, которые позволили ему познакомиться с зимним Тюбингеном и Швабским Альбом [17]. Его опасение всё же подтвердилось: после выборов я его больше никогда не видел.

Итак, рамки политических отношений были выстроены, и питательная почва для общественных отношений в новом партнёрстве подготовлена. И только подумать: вопреки всем сложностям,

эта почва оказалась плодородной, чего, конечно, даже при обоюдном доброжелательстве нельзя было ожидать заранее. Исходя из рациональных соображений, вряд ли можно было ждать от партнёрства, что на Востоке оно с ходу принесёт успех, который на Западе достигался очень постепенно. Ведь на этом новеньком мосту для сближения прежних врагов прошлое лежало слишком увесистым грузом. Нельзя было не учитывать и того, что слишком многое служило для взаимного расхождения гораздо больше, чем в случае с западными партнёрствами.

Уже само по себе славянское звучание было абсолютно чуждо для нашего уха, да и с кириллицей мы не были знакомы. Но самым отягчающим фактором оказалась разница в политических структурах и вследствие этого, как и ожидаемо, в общественной действительности. Конечно, Советский Союз выиграл войну, однако страна и люди остались в бедности. Германия, напротив, проиграла войну, однако её люди, если им повезло жить на Западе [18], наслаждались «экономическим чудом». Ирония или жестокость истории? В любом случае уже одна эта экономическая разница, образовавшаяся в послевоенное время между победителями и побеждёнными, требует от нашей стороны большой политической интуиции и значительного присутствия личной скромности, чтобы легкомысленно не оскорбить национальной гордости и не нанести чувствительных уколов в сердце.

Мне казалось почти чудом то, с какой скоростью были преодолены наконец понятные предубеждения с обеих сторон, несмотря на всё, что было. Везде люди радовались новым контактам, которых они, как казалось, уже давно с нетерпением желали. Некоторые находили удовольствие в том, чтобы восхищаться таинственным очарованием России. Это их притягивало и окрыляло. Многие хотели познакомиться с другим менталитетом. Все эти страстные желания привели к расцвету нового партнёрства. Благодаря многочисленным гражданским инициативам оно создало впечатляющую историю успеха. Никогда и ни с одним другим городом партнёрство не вызывало среди населения Тюбингена столь широкого резонанса. При этом немецкий восторг, ощущаемо настроенный на помощь, был обязан не только любопытству в отношении незнакомой страны, но также и – сознательно или бессознательно – моральному чувству исторической ответственности.

С моей стороны было бы сейчас самонадеянным пытаться перечислить многообразие боль-

ших и малых групп от общественных организаций и церквей, от частных лиц и учреждений, которые, осознавая трудности и лишения, а иногда даже и опасности, с чистой душой пускались в путь в Петрозаводск, чтобы помочь тут и там и завязать контакты с единомышленниками. В своей совокупности они представляют собой блестящий пример партнёрства, которое идеальным образом питается «снизу». Плодами этих контактов, распределившихся по всем направлениям общественной жизни, наслаждались обе стороны. Каждая встреча живёт тем, что люди дают и берут. Таким образом, дружба может произрастать длительное время, таким же образом, если повезёт, возникают даже браки.

Наряду с трогательной деятельностью Общества «Запад-Восток», организовавшего не только заманчивые бюргеррайзен [19] в Карелию и открывшего своё Бюро в Петрозаводске, для меня одним из многих достославных примеров необычайных отношений остаётся Евангелическая рабочая группа «Встречи с еврейской общиной в Петрозаводске». Не в последнюю очередь благодаря приобретению Торы тюбингенские христиане споспешествовали тому, что в Петрозаводске после длительного периода религиозной засухи стало возможным новое публичное открытие еврейской общины. Этот вновь наведённый мост примечателен вдвойне. Во-первых, он демонстрирует, какие силы может пробудить встреченная с восторгом инициатива. Во-вторых, впечатляет то, ЧТО и КАК смогли сделать христиане и евреи вопреки всем расхождениям в вероучении.

Этой связи я радовался и благожелательно сопровождал её развитие. Приглашение на трапезу в Шаббат я воспринял как кульминацию. Здесь, в простом помещении, вблизи памятника Ленину, люди устроили мне очень дружеский приём. Я стал очевидцем молодой, живой еврейской общины. Всё, что происходило этим вечером, я не смогу забыть хотя бы из-за полученного впечатления, что здесь подрастает – ещё ощупью, делая первые шаги – нечто, дающее шанс надеяться на будущее.

Ещё нужно упомянуть и другое, долго не покидавшее меня впечатление, выделявшееся из всего пёстрого сплетения разнообразных связей. Во время одного из своих визитов я узнал, что в Петрозаводске есть «сберегательная касса». Мне стало любопытно, поскольку я к тому же заместитель председателя Управляющего совета Регионального сберегательного банка Тюбингена. Я попытался установить контакт между обеими

структурами. Когда это удалось, я вместе с председателем правления Тюбингенского отделения Сберегательного банка и его предшественником, который тем временем стал вице-президентом Банковского союза в Штутгарте, отправился в Петрозаводск. Там мы сначала посетили учреждение с многообещающим названием «Банковская школа». О ней я раньше никогда ничего не слышал. Но её название склонило нас к предположению, что она аналогична немецкой банковской школе. Это оказалось ложным. Здесь, в довольно жалкой «школе», не было и речи ни об образовании, ни о повышении квалификации банковских работников. Это учреждение ограничивалось скорее, насколько было видно, обучением вспомогательного офисного персонала в качестве смены для тамошних «сберкасс». Мы вышли оттуда довольно отрезвленными.

И дальше лучше не стало. «Сберкасса», к которой мы тоже сразу же поехали, помещалась в добротном здании. Там нас приняли оба председателя. В длительной беседе они объяснили, что в Советском Союзе повсюду такие вот «сберкассы». Их назначение только в том, чтобы собирать с граждан деньги, которые затем отправляются в Москву. Что там потом с ними происходит, их не касается. Вслед за этим оба моих спутника, будучи специалистами, доходчиво разъяснили им немецкую систему сберкасс, где собираемые в регионе деньги снова поступают в этом же регионе в качестве инвестиций в жильё и промышленность. От внимания наших собеседников не ускользнул и связанный с немецкой системой предпринимательский риск. Испытывая страх перед ответственностью, они в заключение беседы заявили: «Так, как у нас, всё проще, и мы хотим оставить всё как есть».

Мы были разочарованы. Разумеется, оба правления не властны менять что-либо в русской системе «сберкасс». Но то, что они напрямик заявили о своём страхе перед риском и открыто признались в своей косности, вместо того чтобы всё же серьёзно интересоваться успешной экономической моделью, стало горьким осознанием. Не было ни следа захватывающего любопытства, ни побуждения что-либо узнать, даже просто подумать об изменениях. Действовать и дальше по старинке – удобство этой ментальной позиции я особенно сильно ощутил именно здесь, хотя сталкивался с этим и в других сферах обыденной жизни, например, там, где пересекалось общее и частное. О частном – квартира, дача – заботились, берегли, что же до общего – подъезды, водосточные жёло-

бы в многоквартирных домах, – то за них никто не чувствовал себя ответственным, даже если недостаток легко было устранить.

Впрочем, недавно закреплённые контакты между обеими сберкассами всё же дали свои плоды, хотя за одними и теми же названиями скрывалось различное содержание. Вновь и вновь осуществлялись взаимные визиты практикантов, обменивающихся опытом и учившихся друг у друга. Даже в муниципальной сфере непрерывно происходило движение, причём гораздо большее, чем обычно. Обмен с Петрозаводском не ограничивался, как с другими партнёрами, обычной программой, в которой участвовали по преимуществу добровольно, а распространился также на градостроительные, технические и лесные отрасли.

Партнёрства, города-партнёры – почему и зачем? Первоначально речь шла о примирении бывших военных противников в связке с казавшейся до этого несколько размытой идеей об объединённой мирным путём Европе. Коммуны были готовы деятельно участвовать и в том, и в другом – и в примирении, и в новой Европе, т.е. выстраивать это при участии всех граждан «снизу». Ведь уже были города, которые иногда открыто, иногда осторожно, но настоятельно намечали путь от изоляции к общности. Должно быть, молодёжь первой восхитилась этой воображаемой картиной и начала наполнять её содержанием. Ведь молодёжь была свободна от воинственной враждебности прошлого и легко бралась за преодоление национальных границ и ломку языковых барьеров. Этот энтузиазм способствовал возникновению партнёрства городов сначала на Западе, но потом также и на Востоке. Оно внесло свою лепту в процесс взаимопонимания народов.

Но, как это бывает со временем, партнёрства городов, подобно супружеству, переживают меняющиеся фазы интенсивности. Они входят в возраст, изменяются, охлаждаются, снова оживляются или впадают в полузабытьё. На это существуют причины – как личные, так и общественные. Хотя, как я постоянно подчёркивал, официальные отношения должны быть независимы от симпатий или антипатий, всё же время от времени наступает момент – интуиция качнулась не в ту сторону, дипломатическая сноровка подвела, – когда коллеги «больше не могут вместе» и партнёрский обмен страдает от этого по всему широкому фронту. Также и на общественном уровне эмоциональные состояния людей часто играют решающую роль в успехе или провале отношений. В конечном счёте, это всегда отдельные люди, испытывающие дружбу и под-

держивающие её в области своих интересов, будь это культурная, социальная, спортивная сфера или просто какое-то хобби, при этом люди ведут обмен и учатся друг у друга. Там, где нет этих простых доброхотов, партнёрство страдает.

Наряду с субъективными существуют и объективные причины, вредно влияющие на смысл и цели партнёрства городов. В любом случае начальный пыл угас по мере успехов европейского объединения, и начальный духовный подъём пошёл на убыль. Европа выиграла свой мир и потеряла свои границы. Нужны ли ещё теперь в этом свободном для перемещения пространстве отношения подобного рода? Не подвергаются ли европейские партнёрства городов опасности окаменеть в рутине, так что, слыша все их отзвуки, не следовало бы вновь задуматься об их продолжении? Конечно, эта тема щекотлива и явно табуирована. Кажется, что партнёрства городов имеют вечную ценность. Им незнаком развод, но всё же когда-нибудь они канут в Лету. Что тогда останется для памяти, так это улицы и площади, получившие своё название в период расцвета партнёрства, например, в Тюбингене «Площадь города Монти» [20], «Улица Экса» [21].

Мои личные отношения с Петрозаводском не подвержены этой судьбе. Слишком много воспоминаний и эмоций связывает меня с этим городом и его природой, с далями, лесами и озёрами Карелии и с гостеприимно-сердечными людьми, которые встречались мне во время моих визитов. Верный своей привычке осваивать незнакомые мне города только пешком, так и в новом партнёре Тюбингене я бродил, как всегда, один, в разных направлениях. Мне хотелось завершить свой последний официальный визит именно таким образом, спокойно и тихо попрощаться с Петрозаводском. В полном одиночестве я шёл сначала вдоль набережной, вышел на свободное пространство, затем повернул в сторону от города и шагал по населённой окраине со свободной застройкой домами на старинный русский лад и садами, чтобы через два часа вернуться наконец в город.

Проходя мимо нескольких домов, я мельком увидел, как какая-то семья выходит из автомобиля. Судя по одежде, они возвращались домой после какой-то вылазки за город, может быть, с дачи. Я тотчас узнал моего петрозаводского коллегу, а ныне президента Карелии Сергея Катанандова [22]. Мы испытали обоюдное изумление и большую радость от неожиданной встречи. Ещё несколько времени мы посидели в его квартире, болтая по-английски, и завершили день за бутылкой

вина. Моё лишившееся спокойствия и тишины прощание с Петрозаводском вряд ли могло бы быть более впечатляющим. Благодаря этой странной встрече оно приобрело особенную, совсем семейную ноту, звучавшую целый день. Когда я покидал свою должность, карельский президент в сопровождении своей супруги преподнёс мне сюрприз своим неожиданным появлением в Тюбингене, а в апреле 2005 года он приглашал меня в Петрозаводск на свой 50-летний юбилей. Но, к сожалению, я не мог приехать.

И ещё одна связь продолжалась весь мой должностной срок, продолжается и ныне. В 1992 году мы с женой приняли участие в бюргеррайзе в Петрозаводск. Из Санкт-Петербурга вместе с тремя другими участниками мы плыли на «Ломоносове» [23] по Неве в Ладожское озеро, а оттуда по Свири в Онежское. Уже на теплоходе моя жена услышала о русских матерях, которые, будучи брошенными на произвол судьбы, пытались создать дневной стационар для своих детей, имеющих тяжёлые нарушения здоровья от рождения. Этот контакт сконцентрировался на акции помощи совершенно особого рода. Имея согласие общины церкви Св. Мартина [24], моя жена выступила с инициативой длительной финансовой поддержки для трёх частных заведений, которые общими усилиями опекали этих детей. Получение и распределение денежных средств осуществляет по поручению доверителей профессор германистики Валентина Двинская [25], с которой я близко познакомился во время моих партнёрских визитов. С ней и «моей» немецкой переводчицей Норой Бирих [26] мы с женой связаны дружескими узами.

[1] Dr. Eugen Schmid. «Nachsinnen»/Berlin, 2020. – 665 S. Глава «Перуджа и Петрозаводск» (Perugia und Petrosawodsk), с. 425 – 442. Представлена часть главы, посвящённая Петрозаводску: с. 430-442. Перевод и примечания В. Двинской.

[2] Кавычки при наименованиях советских реалий употреблены автором, я их сохранила, т.к. они свидетельствуют об их чужеродности для автора не только в звучании, но часто и в понятийном аспекте.

[3] На Западе и, в частности, в Германии не принято говорить о «побратимстве», как у нас, а только о «партнёрстве».

[4] Terra incognita (лат.) – неизвестная земля.

[5] Quo vadis? (лат.) – Куда идёшь?

[6] Имеется в виду принадлежность к считавшейся тогда консервативной партии ХДС/ХСС.

[7] Шутка, основанная на грамматических категориях: в немецком языке сравнительная степень прилагательных имеет суффикс *-er*, а превосходная – *-ste/-sten*, таким образом получается: *Marx – Marxer* (более Маркс, больше чем Маркс) – *Marxisten* (самый марксистский, наимарксистейший).

[8] Т.е. член партии «Альтернативный список/Зелёные».

[9] Х. Мессемер (1924 – 1991) – известный немецкий кино- и телеактёр.

[10] Карл Цейсс – знаменитая компания (с 1846 г.), названная по имени основателя; производство точной оптики.

[11] Ироническое обозначение гитлеровского ордена за участие в зимней кампании 1941/42 гг. на Восточном фронте.

[12] Строчка из стихотворения Ф.Шиллера «Песнь о колоколе», ставшая крылатой фразой. Там речь идёт о свадьбе.

[13] Д-р Шмид 1932 года рождения, следовательно, ему было на время рассказа 57 лет.

[14] То есть по ходу дела (франц.).

[15] Имеется в виду парад и демонстрация, ежегодно происходившие 1 Мая в честь Международного дня солидарности трудящихся.

[16] О. Шмид намекает на латинское выражение *in vino veritas*, т.е. истина в вине.

[17] Швабский Альб, или Швабская Юра, – горный массив на юге Германии, в Баден-Вюртемберге.

[18] Д-р Шмид имеет в виду, если люди оказались в Западной части Германии (ФРГ), а не в Восточной (ГДР).

[19] *Bürgerreise/-n* (нем.) – гражданское/-ие путешествие/-я – это неофициальное путешествие, участниками которого являются простые жители города.

[20] Один из партнёров Тюбингена, швейцарский город *Monthey* во франкоязычной части страны.

[21] Французский партнёр Тюбингена – город *Экс-ан-Прованс* (*Aix-en-Provence*).

[22] Сергей Леонидович Катанандов, с 1989 г. – председатель горисполкома, в 1991 – 1998 гг. – мэр Петрозаводска.

[23] Комфортабельный трёхпалубный круизный теплоход, построенный в своё время в ГДР.

[24] Одна из евангелических церквей Тюбингена в центре города, где Мария Шмид была многолетним членом правления общины.

[25] Я не покушаюсь на чужие заслуги, моё учёное звание – доцент, но у немцев принято называть «профессором» опытных преподавателей высшей школы.

[26] Нора Бирих (1932–2011) – одна из самых первых, самых близких и самых верных друзей России и Петрозаводска.

В связи с 35-летней годовщиной подписания Договора о побратимстве г.Петрозаводска с г. Тюбингеном привожу фрагменты из своего сочинения «Немцы в моей жизни – история длиной в полвека», содержащие памятные зарисовки из 1989/1990 гг.

... Уже позднее, когда мы с немцами хорошо познакомились, мы узнали, какую предысторию имел их приезд. Все западные страны не могли прийти в себя, получая информацию о невероятных реформах и переменных в Советском Союзе [1]. Знаменем этих перемен был, естественно, Горбачёв как глава государства. Во время своих заграничных поездок он производил насто-

ящий фурор тем, что был относительно молодым, живым, подвижным и – главное – свободно говорящим человеком. На фоне всех предыдущих генсеков [2] – старых, дряхлых, с замедленной реакцией и не умеющих говорить, а только плохо читающих всё по бумажке – Горбачёв казался чудом, невиданным и неизвестно откуда взявшимся. Мы в Союзе и сами «балдели» от этого человека, а уж Запад и подавно. Он свободно перемещался в тех местах, куда приезжал, никакой охраны не было видно, свободно общался с людьми, пожимал им руки, шутил и всем своим видом и повадкой внушал оптимизм. В свой приезд в Германию он восхитил всех немцев, а Штутгарт [3], который он посетил вместе с Г.Колем [4], просто «стоял на ушах» от восторга и пребывал в эйфории. Всё это пробудило огромную волну интереса Запада к Советскому Союзу, причём интереса доброжелательно-

го, подлинного, и желание как-то помочь стране и людям. «Железный занавес» [5] ощутимо трещал, хоть ещё и держался. Но многие западные организации, имевшие общественный или наполовину общественный характер, поспешили установить непосредственные связи с явно демократизирующейся страной. В первую очередь это были, конечно, общества дружбы.

* * *

Теперь несколько слов о Тюбингене. У нас он был совсем неизвестен, с нашей точки зрения, это маленький и вроде бы ничем не примечательный город, – мнение, абсолютно не соответствующее реальному положению вещей. Теперь о Тюбингене существует много всяческой информации, и я не буду повторяться, скажу только, что это в самом деле небольшой город: 85 тыс. жителей + около 25 тыс. студентов. Отсюда видно, что это город-университет. Если по нему бродить, то тут и там снова и снова натъкаешься на университетские здания, раскиданные по всем городским районам, а на доброй половине домов красуются большие мемориальные доски с именами выдающихся личностей всех веков, снискавших себе славу буквально во всех сферах науки и искусства. Университет начинается с XV века и объединяет под своей крышей столь маститых специалистов, что к ним обращаются за консультациями отовсюду, и не только из Германии. А уж все законопроекты Бундестага (парламент ФРГ, главный законодательный орган) предварительно обязательно проходят обсуждение у политологов и юристов Тюбингена. Неслучайно поэтому Тюбинген называют *eine kleine grobe Stadt*, т.е. маленький великий город [6], а в официальных документах всегда фигурирует обозначение *Universitätsstadt Tübingen*. Город находится всего в 40 км от Штутгарта и поэтому тоже испытал настроение приподнятости и взбудораженности во время пребывания там Горбачёва. И горожане высказались за заключение партнёрства с каким-нибудь советским городом. У нас за такие вещи отвечал Центральный Дом Дружбы в Москве. Немцы обратились туда, им назвали несколько городов в качестве кандидатов на партнёрство, но по различным причинам из этого ничего не вышло, однако затем в результате удивительного стечения обстоятельств, которые я здесь опускаю, возникло имя – Петрозаводск. Был отправлен запрос в Москву, где тоже дали добро, и через короткое время наш горисполком [7] получил

письма из московского Дома Дружбы и из Тюбингена с известием, что к нам едет делегация для знакомства, и с указанием сроков прибытия.

* * *

Первая делегация прибыла к нам 29 апреля 1989 года. Встречать её отправились Геннадий Александрович Фанасов, тогдашний зампредгорисполкома, и я, и на следующее утро мы были уже в Петрозаводске. Размещали гостей, как и всегда, в гостинице «Северная». В Тюбингене, как я узнала позднее, состав этой первой группы тщательно продумывался и включал в себя самого мэра Тюбингена д-ра Ойгена Шмида, главу фракции ХДС/ХСС Городского совета Эрнста Марксера, представителя фракции «Зелёные» Херту Мессермер и переводчика-консультанта Нору Бирих.

Конечно, эта делегация, эта «первая ласточка», была необыкновенной: здесь было четыре интеллигентных человека, хорошо образованных, неплохо знающих культуру России, всем интересующихся и доброжелательно настроенных к Союзу и к русским, хотя и замечающих наши минусы и наши неурядки. В дальнейшем групп в таком выдающемся составе уже не было. Они пробыли у нас, кажется, неделю. Но ведь надо же случиться, что именно в это время у нас были праздники: 1 и 2 мая – День Международной солидарности трудящихся! А это означает, что уже и 29, и 30 апреля – празднование на работе, репетиции самодеятельности, праздничные вечера, и работа идёт спустя рукава, и все ждут, когда можно будет убежать по своим делам. Кроме этих общих обычаев, 29-е было субботой, а 30-е – воскресеньем. Вопрос: что делать с гостями? Куда их вести, когда нигде никого уже нет и всё закрыто. Но наша сторона вышла из этого нелегкого положения с честью.

* * *

Подробностей я, конечно, уже не помню, но четыре мероприятия прочно засели в памяти. Конечно, им показали город, свозили к нашим достопримечательным местам: Марциальные Воды, Кивач, Успенская церковь в Кондопоге, а также на совминовскую дачу в Шуйскую Чупу. В предложенную сауну гости-мужчины пошли с некоторой опаской, но вышли в полном блаженстве. И их так же окунали в воды Укшезера, как это делают наши, и так же было несколько заходов в парную. Поскольку на пороге стоял май и погода была великолепной, то лёд сильно подтаял, в воздухе пахло

настоящей весной, деревья проснулись после снега, небо радостно окрасилось, – всё звучало мажорно. И наши гости не могли надыхаться нашим чудесным воздухом и налюбоваться прекрасной карельской природой. Мы долго гуляли по территории, они фотографировали и совершенно явно наслаждались этой прогулкой.

1 Мая все пошли на демонстрацию. Для молодых напоминаю, что все демонстрации происходили на пл. Кирова, большая трибуна находилась прямо напротив нынешнего Музея изобразительных искусств, через площадь. Нас расположили возле трибуны. В тот год народу было огромное количество. Думаю, что впервые за последние десятилетия никого не пришлось так или иначе принуждать к участию в демонстрации, все сами шли с большим энтузиазмом, с радостью, с ощущением свободы, с вызовом властям и с осознанием своей силы. Было много детей, все колонны несли транспаранты, лозунги, плакаты, карикатуры, зелёные ветки, бумажные яркие цветы. На площади играл военный духовой оркестр, люди наяривали на баянах, пели, подтанцовывали, радостно кричали.

Всё это усиливалось превосходной погодой, ярким солнцем, безоблачным голубым небом. Была какая-то невероятная радость, которую можно было бы сравнить разве что с Пасхой. И как Пасха знаменует воскресение и начало новой жизни, так и в тот раз всё это уже жило нетерпеливым предвосхищением грядущих перемен. Наши немцы не могли насмотреться на эти ликующие толпы. Я переводила им начертанные красками прямо от руки лозунги типа: «Даёшь мыло!» (которого уже давно не было в продаже), «Да здравствует свобода!», «Да здравствует мыло душистое и полотенце пушистое и зубной порошок!» (цитата из «Мойдодыра» Чуковского, содержащая намёк на отсутствие всех этих вещей в продаже), «Дети семьи трудовой, объединяйтесь!» (аллюзия на известную революционную песню «Вышли мы все из народа, / Дети семьи трудовой, / Братский союз и свобода – / Вот наш девиз боевой!») и т.д. Надо было всё это записывать, жаль, что полезные мысли всегда приходят в голову с опозданием. Конечно, только слепой не увидел бы, что ни о каком приказе, ни о каком насилии над людьми с целью заставить их участвовать в этом шествии не могло быть и речи. Немцы испытали в некотором роде потрясение. Д-р Шмид и сейчас всё ещё вспоминает об этом зрелище.

2 мая их ожидал не менее приятный сюрприз. Не знаю, приказом ли, просьбой ли или еще каким-то другим образом, но наши власти из отдела культу-

ры устроили концерт оркестра «Онего». В то время этот оркестр, созданный под руководством дирижёра Геннадия Миронова, ещё считался самостоятельным коллективом, хотя уже отличался высоким уровнем исполнительства. И вот мы сидим в почти пустом зале Дома культуры Онежского тракторного завода (кажется, ныне это здание арендует «Экспоцентр»). Публику составляют наши гости, представители горотдела культуры, наши официальные лица и ещё кое-кто из близких к музыкантам людей. И оркестр в полном составе и парадных одеяниях играет двухчасовую программу, выходят певцы, градусы настроения непрерывно растут, и даже отсутствие публики не сказывается на вдохновении артистов. Наши гости отхлопали себе все ладоши, они были в великом восторге и от качества концерта, и от доброй воли музыкантов, согласившихся оторваться от праздничных столов и пожертвовать своим выходным днем.

И, наконец, то, что сумела организовать непосредственно наша кафедра [8]. Иняз помещался тогда в старом здании пединститута на пр. Ленина, 29. Мы украсили наш актовый зал на четвёртом этаже, расставили там столики как в кафе, принесли из дома столовые салфетки, самовары, посуду, приборы. В столовой заказали простое, но вкусное угощение и, конечно, наши карельские калитки. И, наконец, соответствующая программа: песни и стихи по-немецки и по-русски, народные танцы, юморески, даже какая-то немудрящая постановка. Все были на высокой волне настроения, звучала хорошая музыка (наша звукотехническая лаборатория постаралась). Но главное – наши девочки, то есть студентки нашего немецкого отделения. Удивительно, но в год начала перестройки к нам поступили замечательные абитуриенты: большинство, как всегда, девочки, но были и молодые люди, и все они были не только умненькие и работящие, но и красивые внешне. Невероятно, но произошло совпадение: эпоха перемен в государстве и эпоха перемен в качестве наших студентов. И вот, встречая гостей прямо у входа в институт, вышли наши красавицы – высокие, стройные, интеллигентные, любо-дорого посмотреть, подхватили гостей под руки и повели в зал. Всё прошло без накладок, все были радостны и довольны, после программы всё ещё пели и, сидя за столиками, говорили и говорили без конца. И все дни после этой встречи, если гостей не увозили на другие мероприятия в районы, наши девочки ходили вместе с новыми знакомыми и по городу, и на другие дружеские встречи.

* * *

По возвращении домой эта делегация должна была представить отчёт о поездке, и потом должно было начаться обсуждение среди депутатов в Городском совете и среди городской общественности: стоит ли принимать предложение о дружбе с Петрозаводском. Ещё будучи у нас, д-р Шмид, осмотрев наш работающий тогда «Петрозаводскбуммаш» [9], выразил сомнения, подойдём ли мы друг другу, так как у них, по его словам, никакой промышленности, да еще такого масштаба, нет. И вообще, Петрозаводск оказался им довольно большим городом, а Тюбинген, как они говорили, «такой маленький»! Конечно, их покорила природа, наш город тоже показался им очень симпатичным (Шмиду импонировало, что «die Stadt ist grobzügig angelegt» – город построен с размахом, в городе много пространства). И, кроме того, у них вообще есть тенденция растягивать все обсуждения на большой срок, вплоть до нескольких лет, потому что всегда образуется несколько лагерей, которые спорят между собой до умопомрачения, и пока они придут к каким-то более или менее приемлемым компромиссам, проходит не один год. И мы в Петрозаводске тоже настроились на неопределённый срок.

* * *

Но случилось неожиданное. Выступая перед депутатами Городского совета с отчётом, наши знакомцы, по-видимому, вложили в свои слова столько чувства, столько восхищения и представили такие описания наших красот, что их Совет с первого раза проголосовал за продолжение знакомства и принял резолюцию о приглашении ответной делегации из Петрозаводска с целью поглядеть на «этих русских» и узнать, чем они пахнут.

Наконец пришло официальное приглашение из Тюбингена и был сформирован состав нашей первой группы. В него вошли: руководитель делегации – Геннадий Александрович Фанасов, первый зампредседателя нашего горисполкома; иеромонах, архимандрит и настоятель Крестовоздвиженского собора отец Мануил (в миру – Виталий Павлов) [10]; д-р филологических наук, профессор нашего университета и тогдашний декан филологического факультета Замир Курбанович Тарланов и я в качестве переводчика-консультанта. Эта первая поездка заслуживает особого описания, так как она имела огромное значение и для

начала наших отношений, и для их последующего развития.

Наше приглашение было вписано в рамки Дня города, на празднование которого прибывают представители всех городов-партнёров Тюбингена, находящихся в Англии, Франции, США и два или три в Швейцарии. Однако из так называемой Восточной Европы мы были первыми, и уже один этот факт был необычайным. Не помню, каким рейсом мы летели из Ленинграда – во Франкфурт-на-Майне или же в Штутгарт. Но вот нас встретили и привезли в Тюбинген. Надо сказать, что в Германии, хоть она тоже подверглась огромному разрушению, всё же сохранились кое-какие места, не затронутые войной, а это значит, что русские там были неизвестны, вернее, известны, но только по досужим рассказам других людей, а в результате подобных рассказов, как известно, зачастую создаются легенды неблагоприятного содержания (помните, как в одной из пьес А.Н.Островского паломники повествуют «о людях с пёсьими головами?»). Так случилось и сейчас. Жители сгорали от нездорового любопытства: кто явится? Люди или полумедведи? Как выглядят? Как себя ведут? Цивилизованные ли они вообще? Но несмотря на все эти копошащиеся в душе вопросы и разного рода опасения, правила гостеприимства были соблюдены: нас разместили в лучшей гостинице города «Krone», у всех нас были прекрасные просторные номера со всеми удобствами, город был празднично украшен, и в первый раз за всю многовековую историю города наряду с флагами названных партнёров повсюду густо красовались советские флаги с серпом и молотом, а кое-где просто большие красные пятиконечные звёзды. Мы, конечно, оценили этот жест вежливости.

Нам показали город, и водил нас сам обер-бургомистр д-р Шмид. Городские картины потрясают воображение: поскольку город никогда не бывал разрушен, а своё существование ведёт чуть ли не с XI века, то в нём можно увидеть всё, что только вас интересует, – хотите посмотреть на XII век – пожалуйста, на XIV – пожалуйста и т.д. И ещё головокругительная деталь: когда-то, во времена оны, весь этот регион был частью Мирового океана, об этом рассказывается в палеонтологическом университетском музее, но это видно и без музея, так как по мере отхода воды и увеличения суши там возникали наидревнейшие поселения, и теперь там находят ископаемые останки доисторических растений и существ. Относительно недалеко, в ущелье Неандер, был обнаружен скелет пращело-

века, известного теперь как неандерталец. Во многих тюрбингенских домах в кладке фундаментов и стен до сих пор можно видеть использованные в качестве стройматериала раковины аммонитов – от огромных до относительно небольших, а ведь им от нескольких десятков до нескольких сотен миллионов лет. На древность здешних поселений указывает и топонимика: если посмотреть на подробную карту этого региона, то мы увидим неисчислимое множество населённых пунктов разной величины, но с одинаковыми суффиксами в названиях: Tübingen, Reutlingen, Tuttlingen, Sindelfingen, Metzingen и т.д., а суффиксы -ingen/-ungen – это так называемые патронимические суффиксы, указывающие на принадлежность к определённому роду и на стоящего во главе родоначальника, например, знаменитые Меровинги – члены рода и потомки некоего мифического Мероя, Каролинги – родственное окружение и потомки Карла Великого. Значит, в доисторические времена в регионе существовало много родоплеменных этнических объединений и фратрий, в частности, Тюрбинген – место, где жили люди из рода Тубо [11].

Но это всё детали, а главное – это реакция жителей. По пути нам встречалось много народу, все на нас смотрели с явным любопытством, нам улыбались, махали рукой или кивали, всем было понятно, кто мы, так как водить кого-нибудь просто так сам мэр не будет, а зная, что мы в городе, было нетрудно догадаться, что мы и есть советские гости и что город украшен также и в нашу честь. Большое впечатление на нас произвела ратуша (аналог нашей мэрии), которой тоже уже больше шестисот лет, хотя она и горела, и перестраивалась, и дополнялась разными деталями. Но в этой связи хочется обратить внимание на их чрезвычайно бережное отношение к своей старине, то есть к своей истории.

* * *

Пять дней, которые мы провели здесь, пролетели как одно мгновение, это было вызвано чрезвычайно плотной программой: в два часа ночи в уютном уголке холла комфортабельной, под старину, гостиницы «Крона» (самой дорогой в городе) заканчивался один разговор, а в начале седьмого уже предстояла встреча с журналистами для очередного интервью. Однако несмотря на этот бешеный темп, мы не теряли бодрости и черпали энергию в ощущении радости и гордости от интереса к нашей стране, который проявлялся повсюду, и от энтузиазма, с которым все обсуждали визит М.С. Горбачёва в ФРГ. Тюрбин-

генцы чувствовали себя сопричастными этому событию, так как Штутгарт, передачи из которого мы могли видеть по телевидению, находится всего в 40 км от Тюрбингена.

Программа была составлена так, что мы познакомились с основными сферами городской жизни. Я не буду останавливаться на всём подробно: для этого просто нет места. Самое главное – это университет. Даже во всех официальных бумагах и документах город именуется «Университетский город Тюрбинген». Значение университета становится очевидным даже при простом сопоставлении чисел: 85 тыс. – количество населения, 25 тыс. – количество студентов. Здешний университет – первый и потому старейший в Германии. Согласно легенде, граф Эберхард Бородатый (позднее – герцог Вюртембергский), совершив в 1468 году паломничество в Иерусалим и вернувшись домой, произнёс вещую фразу: «Я отважился» и приказал строить университет, наказав при этом «помогать рыть колодец жизни, из которого, придя со всех концов света, можно было бы безотказно черпать утешительную и целительную мудрость для погашения всё пожирающего пламени человеческого невежества и слепоты».

Мы много бывали в гостях. Вне официальной программы нас принимали и организации, и частные лица. Тюрбинген – город интеллектуалов, здесь живут профессора, научные работники, художественная интеллигенция, а все остальные стараются тянуться до их уровня. Это касается даже газеты, которая на фоне остальных локальных газет страны отличается глубиной и содержательностью материалов, строгим отбором круга обсуждаемых проблем и высоким качеством снимков. Многие из тех, кто принимал нас у себя, живут в так называемом «профессорском колхозе» – районе живописных вилл недалеко от центра. Как правило, это дома на одну семью, двух- и трёхэтажные, с садом и гаражом, внизу холл, на втором этаже кухня, столовая, гостиная, наверху – спальни с ванными комнатами и туалетами. Из гостиной можно выйти прямо в сад или на галерею. Кроме нас, присутствовали и другие гости, везде собиралось довольно большое общество, таким образом, увеличивался круг наших знакомств, и те, кто хотел с нами поговорить, получали такую возможность.

* * *

В завершение праздника Городской совет и обер-бургомистр дали прощальный приём,

где присутствовали все представители городов-партнёров Тюбингена. Этот приём вызвал у моих товарищей по делегации неподдельное восхищение его размахом, торжественностью и красотой. А я была поражена не столько окружающей обстановкой, сколько ощущением, будто превратилась в действующее лицо какого-нибудь голливудского фильма 20–30-х годов. Представьте громадный зал, старинный, украшенный средневековой атрибутикой и флагами побратимов, с расставленными круглыми столиками с карточками, на которых каллиграфически написаны имена приглашённых, что свидетельствует о тщательной продуманности в рассаживании гостей, висят шикарные люстры, а на столиках – сверкающие безликой расшитые скатерти и небольшие лампочки от Тиффани, дамы в вечерних туалетах и мужчины в смокингах, прекрасная посуда и официанты с подносами, уставленными бокалами с шампанским, винами и коньяком. На слегка возвышающемся подиуме небольшой оркестр негромко играет классическую музыку, создавая настроение. Такое мы видели до сих пор только в кино [12]. Конечно, мы тоже подготовились, я осмотрела «своих» мужчин, чтоб всё было в полном порядке (и делала это и в последующие визиты наших делегаций). И, как оказалось, сделала это не зря. Уже на следующее утро в «Швебишес тагблатт» в колонке редактора появилась статья, описывающая этот приём и внешний вид нашей делегации, где были отмечены и начищенные туфли мужчин, и безукоризненно натянутые чулки у меня (тогда ещё были трудности с доставанием колготок, а капроновые чулки по моде того времени имели шов сзади, и по степени натяжения этого шва и его прямизне нередко оценивалась социальная принадлежность женщины).

* * *

И ещё особенно мне хочется рассказать о встрече в Обществе германо-советской дружбы, где мы провели целый вечер. Группа активистов зашла за нами в гостиницу около шести вечера и привела в уютный большой ресторан, расположенный в подвальном помещении одного из средневековых домов в центре города. Украшением ресторана, придающим ему неповторимое своеобразие, служат открытые взгляду неоштукатуренные тёсаные каменные глыбы и деревянные балки, из которых сложен дом и на фоне которых особенно эффектно выглядят большие настольные лампы от Тиффани с широкими цветными

абажурами в стиле сецессион. Там собралось около 60 человек в возрасте от 25 до 60 лет с большим преобладанием молодежи, во главе с председателем – д-ром исторических наук Йоргом Бозе. Встреча продолжалась несколько часов. После взаимных приветствий зампреда горисполкома Г.А.Фанасов рассказал о Петрозаводске, о его достопримечательностях, о городской жизни, о людях. А затем мы ответили на десятки вопросов и привезли огромное количество сердечных приветов петрозаводчанам, которые я с удовольствием передаю всем читателям.

Деятельность общества поразила нас своим размахом. Возникнув в Тюбингене два с небольшим года тому назад, оно проявило исключительную инициативу и оборотистость. Так, в прошлом году они провели международный семинар по актуальным проблемам перестройки в Советском Союзе, а сейчас, в октябре [13], у них состоится такой же семинар на тему межнациональных отношений в нашей стране с приглашением таких знаменитых у нас общественных деятелей, как Ульянов, Шатров, Заславская и т.д. Члены общества совершают регулярные поездки в Советский Союз для знакомства со страной, их основная цель – развитие культурных контактов.

Общество намеревалось организовать на будущий год туристический поезд с 300 гражданами Тюбингена для летней поездки в Петрозаводск. Как они объяснили, цифра 300 показалась им подходящей, чтобы побольше граждан Тюбингена посмотрело на своего нового советского побратима, и для того, чтобы побольше петрозаводчан смогло завести личное знакомство с кем-либо из приехавших, а затем поехать в гости к новым знакомым. Благородное намерение, не правда ли? К сожалению, такое количество оказалось слишком большим для нашего города, так как возникают неразрешимые проблемы с размещением (вот тут-то и почувствовалось, насколько была необходима городу интуристовская гостиница, – ведь это источник валюты!), поэтому договорились пока о приезде 50 человек.

Мне кажется, в целом наше пребывание прошло весьма удачно: в Тюбингене оценили энергию и деловитость нашего «бургомистра» Г.А.Фанасова, образованность и интеллигентность профессора Тарланова, обаяние и миротворчество архимандрита Мануила.

8 октября этого же 1989 года к нам приехала вторая официальная делегация из Тюбингена, а 9 октября в горисполкоме состоялась торжественная церемония подписания Договора о побратимстве.

Обер-бургомистр Тюбингена д-р Шмид ещё раз настоятельно подчеркнул во время рабочих бесед, что основную цель нашего побратимства Тюбинген видит не только в развитии официальных отношений, но – главным образом! – в развитии самых широких связей между жителями наших городов, в завязывании личных знакомств и расширении личных контактов.

Завершая главу о подписании официальных документов, хочу ещё добавить, что в январе 1990 года наша делегация во главе с нашим тогдашним председателем горисполкома Павлом Пещенко отправилась в Тюбинген на аналогичную процедуру. Опять всё было очень торжественно, подписание происходило в ратуше, а вечером давали приём в нашу честь, нисколько не уступающий вышеописанному по торжественности и роскоши.

И открылась новая интереснейшая и достойная страница в общественной жизни наших городов.

[1] Речь идет об объявленной М.С. Горбачёвым перестройке, начавшейся в 1985 г.

[2] Генсек – Генеральный секретарь КПСС (Коммунистической партии Советского Союза).

[3] Столица Баден-Вюртемберга, второй по величине федеральной земли Германии (после Баварии).

[4] Тогдашний Федеральный канцлер Германии Гельмут Коль.

[5] Политическое клише, введённое в активное обращение У. Черчиллем 5 марта 1946 года в его

Фултонской речи и ознаменовавшее начало холодной войны.

[6] Игра значений: grob по-немецки и «большой», то есть, казалось бы, физическая величина, и «великий», то есть указание на политическую, духовную, социальную роль в общем контексте жизни страны.

[7] Городской исполнительный комитет, аналог нынешней администрации.

[8] Кафедра немецкого языка в составе факультета иностранных языков Карельского госпединститута, в то время я была её заведующей.

[9] Масштабное предприятие (10 000 рабочих) по производству бумагоделательных машин, подчинявшееся напрямую Москве. С его строительством в конце 1950-х – начале 1960-х годов Петрозаводск начал приобретать свой нынешний вид.

[10] К сожалению, ныне уже покойный. Могила на погосте церкви Св. Екатерины.

[11] На Руси бытовала аналогичная тенденция, только у нас таким патронимическим суффиксом был суффикс -ичи: Боровичи, Барановичи, Гарденичи (нынешний Гродно), Калинковичи, Осиповичи, Сухиничи, Костюковичи и т.д. К этому же восходят и наши отчества: Иванович, т.е. из рода Ивана и пр.

[12] Ещё раз прошу не забывать, что только начался 1990 год, когда в Советском Союзе не было ничего, а к 90-м годам пропало и последнее.

[13] Не забывайте: это 1989 год!

Валентина Тадэушевна ДВИНСКАЯ –

кандидат филологических наук, доцент,

член Российского союза германистов.

23 года работала на кафедре немецкого языка КГПИ

в качестве преподавателя и заведующего.

В 1993 г. перешла в Петрозаводский госуниверситет на впервые созданную кафедру германской филологии, где преподавала до 2010 г.

Автор около 70 работ,

посвященных различным аспектам немецкого языка.

В настоящее время, будучи пенсионером,

не оставляет общественной деятельности,

занимаясь с группами заинтересованных лиц в Национальной библиотеке.

